

УДК 7.072.2

АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ТАТАРСКИХ СЛОБОД г.КАЗАНИ: РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (КОНЕЦ XVIII— НАЧАЛО XX вв.)

Г.Г. Нугманова, кандидат искусствоведения

Очевидно, что формы проявления региональных и национальных особенностей в архитектуре меняются с течением времени. Одним из основных факторов, определяющих эти изменения, является мировой процесс смены стилистических направлений в архитектуре. Например, в эпоху эклектики или модерна региональный и национальный менталитет не может проявляться в тех же формах, что в эпоху классицизма. В особенности это справедливо в отношении России, где смена архитектурных стилей на протяжении значительной части XVIII–XIX вв. подкреплялась жесткой государственной регламентацией в строительстве.

Архитектурное своеобразие застройки наиболее отчетливо проявлялось в городах со смешанным этноконфессиональным составом населения. И это понятно, поскольку застройка таких городов формировалась под воздействием более сложных факторов, сочетавших не только местные региональные традиции, но и национальные. Одним из таких городов является Казань. Наличие двух основных этнических групп – русских и татар – во многом обусловило специфику формирования ее застройки, отличную от других провинциальных российских городов.

Рассмотрим основные этапы взаимодействия сложившихся архитектурных

традиций Казани в различные стилевые эпохи на материале жилой архитектуры.

XVIII век в России, начавшись с реформ Петра Великого, прошел под знаком всеобщей европеизации. В первую очередь этот процесс коснулся градостроительства и архитектуры. С решительностью и размахом, всегда отличавшим российских администраторов, власть внедряла здесь принципы регулярности.

Регулярность означала разбивку геометрически правильной сетки прямых широких улиц и соблюдение их красной линии путем вынесения на нее домов и других строений, включая заборы. Архитектурным выражением регулярности был единообразный, европеизированный стиль построек и придание всем им вида каменных. С этой целью в города рассылались специально разработанные и утвержденные императором образцовые проекты, по которым обывателям предписывалось строить свои дома.

Нововведения Петра, начиная с 1714 года, требовавшего строить на «английский», «голландский» или «пруссский манир», при его жизни не распространились далее столиц. Казань, как и большинство провинциальных городов, получила регулярность только при Екатерине II. Можно лишь поражаться грандиозному масштабу произведенных работ. Менее чем за три десятилетия (план урегулирования для Казани был утвержден в 1768 г., а ре-

ально работы начались только после пожара 1774 г., связанного с пугачевским восстанием) Казань из средневековья шагнула в эпоху Нового времени. Хаос кривых улочек дорегулярного города сменился правильными кварталами с системой улиц и площадей.

Для скорейшего придания российским городам «европейского» облика в период с 1803 по 1855 годы правительством были изданы альбомы с образцовыми проектами. Они охватывали самые различные типы застройки – казенные здания, жилые дома, ворота и ограды, станционные и почтовые дома, церкви, тюремные здания, присутственные места, дома вице-губернаторов.

Разосланные по губерниям, образцовые проекты были обязательны для применения. Губернские власти строго следили за тем, чтобы строительство в городе велось по утвержденным в столице образцам, и ежегодно отчитывались о числе зданий, построенных по каждому из них. В ходе реального строительства в Казани происходили существенные отклонения от административных идеалов, и именно они, эти отклонения, придали нашему городу его своеобразный, неповторимый облик.

Отклонения в процессе урегулирования были не велики, но красноречивы. В Старо-татарской слободе вопреки высочайше утвержденному плану были сохранены некоторые старые дорегулярные улицы, имевшие значение для татар. В первую очередь это часть главной слободской улицы, на которой возникли разрешенные Екатериной мечети (Марджани и Апанаевская). Она получила название «Старо-слободской» (сейчас это юго-восточная оконечность ул. К. Насыри). Именно здесь расположились приведенные в регулярный вид богатые усадьбы Измаила, Мусы и Юсупа Апанаевых, Давыда и Исаия Замановых, Юсупа Китаева и др. с только что отстроенными домами. Были оставлены и выпрямлены переулки, на пересечениях

с которыми стояли мечети, поскольку именно так они должны были располагаться по старой татарской традиции (сейчас это Апанаевский переулок и ул. З.Султана).

В центре слободы в соответствии с планом была устроена площадь, получившая впоследствии название Юнусовской. Застроенная только по двум сторонам (так, как будто улица в этом месте расширялась) жилыми усадьбами с отдельно стоящими среди зелени домами, а не плотно по периметру, она была далека от того облика, который изначально предполагался регулярным планом. Восточной градостроительной традиции известны исключительно базарные площади. Но поблизости располагался Сенной базар, поэтому Юнусовская площадь пустовала, пока по углам ее не появились палисадники, заполнившие все ее пространство. Лишь в середине XIX столетия купец Исмагил Апаков предпринял попытку использовать площадь по назначению: ряды деревянных лавок протянулись на месте нынешнего дома Шамиля. Но они сгорели в 1872 году. Таким образом, хотя площадь и была создана, но никогда она не выполняла той роли, какую выполняли площади русских и европейских городов.

Сложно протекала европеизация самой застройки, в особенности жилой. Государство, хорошо понимая это, разрешило на первых порах «регулировать не так как новое место, а сколько возможно каменные дома оставить на прежних местах». Такие «дома» сохранились в городе даже до наших дней. Однако в целом задача перестройки города по регулярному плану решалась успешно, и с начала XIX века власти вплотную занялись архитектурой возводимых строений. В России наступила эпоха образцовых проектов.

Изданные для частных домов проекты можно разделить на две серии. Фасады первой серии 1809 (части 1 и 2) и 1812 (части 3 и 4) годов были выполне-

ны в классицистическом стиле. Вторая серия «в новом», то есть эклектичным вкусе относится к 1840–1841 (12 тетрадей), а также 1843–1852 (еще 12 тетрадей) годам. В обоих случаях источником для их разработки служила европейская архитектура.

Первую серию принято связывать с эпохой наивысшего развития типового строительства в России, в середине столетия наблюдается его спад, и затем оно окончательно исчезает после известного указа 1858 г., отменившего обязательное следование образцовым проектам. Более того, фасады последних серий характеризуют как «иллюстрацию общего упадка русской архитектуры середины XIX в.»¹.

Новому, романтическому восприятию архитектуры способствовали многочисленные путешествия. В тридцатые годы прошлого века паломничество к памятникам европейской культуры стало почти неизменной частью в получении высшего образования. Известно о путешествии в 1837 г. архитектора А.Н. Штакеншнейдера в Италию, Францию и Англию, где он «изучал стили и заносил в свой путевой альбом». А.Н. Бенуа писал в своих воспоминаниях о путевых заметках своего отца: «...сколько понимания в каждом «портрете здания»². Впечатления, полученные от этих путешествий, остро переживались и обсуждались. «После ужина завязался жаркий спор об архитектуре, — отмечал в своем дневнике литератор В.П. Давыдов, путешествовавший в 1835 г. с художником Карлом Брюлловым и архитектором Николаем Ефимовым, — речь шла о Пестуме, о Парфеноне, о прусском архитекторе Шинкеле»³. Европейская архитектура привлекала российских интеллектуалов, причем не только западников, но и просвещенных славянофилов. Так, восхищение английской готикой, преклонение перед античностью и все больший интерес к современному зодчеству выражал М.П. Погодин

во время своего путешествия в 1839 г. в Рим, Германию, Францию и Англию⁴.

Таким образом, дух поэзии, истории, литературы, живописи и скульптуры первой трети XIX в. материализовался в его четвертом десятилетии в архитектурных формах эклектики. Новое мироощущение в первую очередь проявлялось в такой подвижной области архитектуры, как малые формы и интерьеры. Так, в казанской усадьбе помещика В.И. Чемезова в саду была устроена пещера с гротами, поражавшая современников. Казанский архитектор эпохи классицизма М.П. Коринфский известен также своими интерьерами в готическом стиле.

Формирование эклектики как стилового направления в России и в Европе протекало почти одновременно. В Германии оно было связано с именем уже упоминавшегося зодчего Фридриха Шинкеля, давшего новую свободную трактовку античного наследия. Современники сравнивали интенсивное строительство тех лет в Германии с «новой» русской архитектурой⁵.

Общие художественные настроения овладели и официальными кругами. Достаточно вспомнить, что среди путешествующих были государственные чиновники и пенсионеры Академии художеств. Новые тенденции настолько не соответствовали жестко навязываемым государством старым образцовым фасадам в стиле классицизма, что изменения были неизбежны. Император Николай I, известный своими прогерманскими вкусами, в 1835 г. издал указ, предписывавший впредь для Царского Села пользоваться проектами, изданными Менцелем в Берлине⁶. Последовавшее затем распоряжение о необязательности следования ранее изданным образцам фасадов повлекло необходимость разработки новых проектов.

Документально известно, что по указу императора в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий

были закуплены все изданные в Германии альбомы увражей Ф. Шинкеля, использованные затем для разработки новой серии образцовых проектов 1843–1852 годов. Следовательно, одним из источников образцов этой серии была греческая архитектура, преломленная через творчество немецкого архитектора. В результате в России появились кварталы, напоминающие предместья немецких городов. Другим источником служил итальянский «ренессанс», дошедший в архитектурных увражах известного издания Летаруи. Известно также, что упоминавшийся нами среди путешествующих по Европе архитектор Н.Е. Ефимов получил правительственный заказ на составление проектов в стиле итальянских вилл и палаццо. Красноречиво и само название составленных им проектов – «в подражание дому неизвестного обывателя в Венеции» или «в подражание Мавро-Венецианской архитектуре»⁷.

Таким образом, в середине XIX в. классицизм сменился эклектикой. В самом общем смысле переход к архитектуре эклектики знаменовал собой признание относительной независимости частной жизни от государственных установок. В особенности это признание было важно для Казани, частная жизнь части населения которой строилась по принципам ислама.

Массовое внедрение эклектики в застройку Казани связано с рядом факторов, хронологически совпавших между собой. Первый из них связан с изданием в 1840–1852 годах описанных выше тетрадей новой эклектичной серии образцовых фасадов, общее количество которых было довольно велико (более трехсот). Предполагалось, что любой застройщик мог выбрать фасад, соответствовавший его запросам и возможностям.

Одновременно Высочайшим указом от 11 ноября 1841 года было принято Положение об устройстве губернского города Казани, один из параграфов ко-

торого требовал «дабы фасады на украшение наружных видов ... строений были сообразны изданным с Высочайшего соизволения образцовым чертежам на постройку в городах обывательских домов»⁸.

Наконец, в августе 1842 года пожар уничтожил жилые кварталы значительной части Казани, как бы расчистив площади для нового строительства. Как московский пожар 1812 года, он определил большой масштаб застройки в новом стиле.

Как уже отмечалось, использование образцовых проектов было обязательным. Местные власти ежегодно отсылали в столицу отчеты с точным указанием, по каким именно образцам и в каком количестве построено каменных и деревянных домов и ворот. В этих условиях региональные и национальные особенности могли проявляться в первую очередь в выборе тех или иных образцовых проектов, а также в некоторых отступлениях от них. Документы показывают, что на практике такие отступления были нередкими.

Приведем примеры использования образцов из тетрадей этой серии.

В усадьбе Н. Кузнецовой дом был построен со ссылкой на образец под № 11 из 3-ей тетради 1843 г. Сравнение оригинала с проектом, который составлен, как сказано в самом документе «сообразно частям», показывает, насколько он далек от своего прототипа⁹.

Интересен случай своеобразного использования образца в татарской усадьбе. Дом с мезонином из тетради 1840 г. вынесен на красную линию усадьбы в качестве служб; их нижний этаж скрыт за глухими окнами¹⁰.

Как видим, несмотря на большое количество присланных из столицы образцов, казанские жители не всегда находили там проекты, вполне удовлетворявшие их вкусам и потребностям.

Поэтому следующим этапом развития региональных и национальных особенностей в жилой архитектуре Казани

стала разработка индивидуальных проектов, которые в большом количестве появились в 1847, 1848 и в особенности 1849 годах. Строительное законодательство этого периода допускало в порядке исключения строительство «не во всем согласно с образцовыми фасадами», однако каждый такой проект должен был утверждаться в Петербурге. Очевидно, что процесс утверждения в столице сильно осложнял строительство.

Однако среди жителей Казани было много тех, кто желал строить в соответствии со своими вкусами и желаниями. Они заказывали проекты казанским архитекторам и добивались их утверждения. Тем самым казанские архитекторы и застройщики участвовали в создании проектов наравне со столичными корифеями. Причем разработанные и утвержденные таким образом проекты не пылились затем на полках, а многократно использовались в Казани, возможно, и не только в ней.

Проект дома Н. М. Вениаминова по ул. Казанской был разработан казанским архитектором академиком Х. Крампом. После его рассмотрения в столице на чертеже появилась резолюция: «С Высочайшего разрешения утверждается. СПб., 14 мая 1849 г.»¹¹.

Однако не всегда казанские фасады находили одобрение в Петербурге. В этих случаях в Департаменте проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий составлялся новый фасад, который затем отсылался в Казань для строительства.

В 1849 г. коллежский секретарь А. Осокин предполагает застроить свою усадьбу, располагавшуюся на пересечении Комиссариатской и Старо-горшечной улиц¹². Разработанный губернским архитектором И. Бессоновым проект включал двухэтажный каменный дом, протянувшийся вдоль Комиссариатской улицы, беседку, поставленную на углу, а также службы во дворе. Дом отличался изящным эклектичным убранством

главного фасада. Необыкновенно нарядный вид ему придавали окна верхнего этажа в форме трифориев с каннелированными коринфскими пилястрами в простенках. Посланный в столицу проект получил одобрение императора, за исключением фасада дома. Фасад на чертеже, навеянный формами возводившегося в это время по проекту К. Тона в Кремле дома губернатора, был в буквальном смысле перечеркнут. Вместо него прислали другой проект фасада, составленный петербургским архитектором К.А. Скаржинским – по нему и был построен дом. А не вызвавшие возражений столичного начальства фасады служб использовались повторно при строительстве кладовых в усадьбе А.Арасланова, а также двух жилых флигелей в усадьбе Г. Чепарина на Сенной площади¹³.

Любопытно отметить, что Скаржинский являлся автором всех присланных в подобных случаях фасадов. По его проектам построены дома майорши А.Е. Высоцкой на Лядской улице, а также купчихи П. Рязановой на Поперечно-Вознесенской улице¹⁴.

Дома, возведенные по проектам казанских архитекторов, представляли собой одно - двухэтажные постройки в три, пять и семь осей окон по главному фасаду. Вот один из примеров такого дома. Декор на оконных фронтонах в виде раковин и половинчатых восьмиконечных звезд, предполагавшийся по проекту, так и не появился при строительстве каменного дома Ларионова (ул. К. Маркса, 42),¹⁵ но украсил деревянные дома по ул. Б. Красной, 50 и ул. Бутлерова, 37.

Малые размеры владений, а также необходимость выноса на линию улицы других построек, например, лавок в торговых усадьбах, обусловили насущную потребность в небольших домах. Значительной популярностью как среди татарского, так и русского населения пользовалась разновидность домов в три оси окон. Купеческие дома М. Кушаева в

Старо-татарской слободе и А. Санникова по ул. Тихвинской построены по образцам 1849 г.¹⁶ Имеются и другие примеры домов, построенных с повторным использованием казанских образцов. Такие дома продолжали строиться даже в конце XIX – начале XX вв.

Особо следует выделить тип дома с лавками на первом этаже, которые могли быть продолжены вдоль внешней границы владения в виде торговых рядов. Разработанный в 1949 г. тем же К. Скаржинским первоначально для мещанина Н. Сергеева, проживавшего на Сенной площади, проект был еще дважды повторен на этой же площади при строительстве домов купчихи Е. Реутовой, а также купца Г. Абдуллина¹⁷.

Среди казанских образцов было большое количество одноэтажных домов в три окна, которые незначительно различались между собой. Это наиболее равномерно распределенная по городу категория домов.

Кроме главных усадебных домов и флигелей на улицу могли выноситься другие постройки. В распоряжении застройщиков имелось несколько разновидностей лавок.

Две разновидности служб, разработанные в 1849 г. И. Бессоновым первоначально для сдававшегося в наем владения купцов Батурина и Меркулова, а затем для усадьбы Осокина, получили широкое распространение в городе¹⁸.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют реальную картину строительства в Казани в середине XIX столетия, где значительную часть составляли здания, построенные по проектам местных архитекторов.

Основной причиной отказа от изданных в столице образцов было то, что они были разработаны исходя из вкусов и возможностей столичных жителей. Дом, занимавший весь фронт участка, не соответствовал характеру застройки провинциального города. Требовался более привычный тип небольшого дома,

а также разнообразных служб, лавок, хозяйственных построек, являвшихся неотъемлемой частью казанских усадеб.

Часто это приводило к «приспособлению» существующих проектов, но радикальным и эффективным решением была разработка собственных проектов, которые в большом количестве появились в 1847, 1848, 1849 (в особенности), а также 1851 годах, и получили одобрение государя. Довольно простые по архитектуре фасады содержали элементы и детали изданных образцов. Так европейская традиция была в очередной раз переработана с учетом вкусов и потребностей казанского обывателя.

Итак, возникшие в конце 1840-х годов казанские проекты являлись своеобразной адаптацией государственных норм к местным условиям, причем отражали особенности не национального, а социального заказа.

К началу XX века культурные парадигмы меняются¹⁹. Умами татарской буржуазии и появившейся интеллигенции овладевают идеи национального возрождения. Проблема национального в этот период приобрела актуальность и остроту. Рано или поздно она должна была затронуть и архитектуру. Однако в силу консервативности строительной деятельности вообще и жилищного строительства в особенности национальные мотивы в жилой архитектуре начали появляться значительно позже, чем, скажем, в литературе.

Вероятно, с течением времени национальное стилевое направление в жилой архитектуре могло бы сложиться, но революция 1917 года прервала это развитие и направила его по иному пути. С этого момента исчез националистически настроенный и финансово самостоятельный заказчик в лице купечества – необходимое условие для возрождения национальной культуры.

Кроме того, даже в умах татарской интеллигенции не успели сложиться чет-

кие представления о национальном стиле в жилой архитектуре.

Элементы национального романтизма в жилой архитектуре казанских татар конца XIX – начала XX века вполне укладываются в рамках такого стиливого явления в мировой культуре, как модерн. Этот стиль с его вниманием к национальному своеобразию, интересом к искусству Востока представлял собою идеальную основу для возникновения в его рамках многообразных стиливых направлений. В российской архитектуре, помимо «классических» версий модерна, получили широкое распространение русский национальный романтизм и ориенталистический модерн. Именно эта последняя версия с ее повышенным интересом к восточным элементам декора оказалась близка к архитектурному идеалу националистически настроенных татарских купцов и промышленников.

В целом число жилых домов, построенных в конце XIX – начале XX века в татарских слободах Казани с использованием национальных мотивов невелико. Некоторые из этих зданий представляют собою замечательные памятники архитектуры и, несомненно, заслуживают подробнейшего архитектурного анализа.

В начале XX века идеи национальной самобытности начали оказывать влияние на архитектуру, довлея над вкусами многих богатых купцов. Это влияние, попавшее в этот период на благодатную почву модерна, проявлялось в различных формах.

Хрестоматийным примером архитектуры татарского национального романтизма принято считать так называемый дом Шамиля, построенный в 1903 г. вдовой М. Шамиль-Апаковой по проекту Ф. Амлонга. Следуя в целом эстетике ориенталистического течения в модерне, архитектор внес в облик особняка черты традиционного татарского зодчества. Как отмечает Г.Н. Айдарова, «ро-

мантика татарского художественного облика навеяна стройными очертаниями минаретов в декоративной акцентировке углов эркера, аркатурном пояске, ажурном узоре накладного орнамента»²⁰.

Однако чаще всего архитектурные нововведения национального характера не были столь броскими. В типичных для этого периода зданиях можно отметить активное использование эркеров (они появляются даже в многоквартирных домах). Примерами могут служить особняк Апанаева (ул. Тукая, 67/14), доходные дома Мухаметова (ул. К. Насыри, 23/4, утрачен) и Апанаева (ул. Марджани, 40/1). Галереи перестают прятаться во дворах, переходя на уличные фасады (дом Сайдашева по ул. Нариманова, 63, не сохранившийся дом по ул. Х. Такташа, 3). На фронтонах появляются надписи арабской вязью (ул. Нариманова, 62), в декоративном оформлении заметно преобладание определенных форм и деталей – многослойных сталактитообразных консолей, применение цветной расстекловки, килевидных проемов и т.д.

В целом все эти проявления национальной идеи и общих ориенталистических тенденций в жилой архитектуре были довольно скромными и далеко не массовыми. По своему масштабу они не идут ни в какое сравнение с происходившим в тот же период подъемом в татарской литературе.

Конечно, такое культурное явление, как казанская архитектура периода модерна, имеет совершенно иную природу, нежели рядовая жилая застройка татарских слобод XIX века. В ней более выражено авторское начало, гораздо нагляднее представлены художественные и идеологические пристрастия заказчика. Однако не стоит забывать, что в определенном смысле она является конечным выражением идеи независимости частной жизни, первоначально реализованной в архитектуре эклектики. Мо-

дерн и элементы национального романтизма в архитектуре были скорее продуктом эволюции эклектических образцовых проектов, чем результатом отказа от них.

С отменой в 1858 г. закона обязательного следования образцовым проектам эпоха их применения не завершилась. Они продолжали играть большую роль в застройке города, и в основном это касалось именно местных казанских образцов. Ставшие традиционными для Казани разновидности домов продолжали привычно строиться, видоизменяясь по мере дальнейшего развития эклектики. И еще на протяжении нескольких десятилетий «цитаты» из образцовых проектов появлялись на фасадах казанских домов.

Таким образом, возникновение и развитие эклектической архитектуры дает нам еще один наглядный пример, свидетельствующий о взаимопроникновении культур. Переустройство российских городов в европейском духе, начатое Петром Великим, было успешно завершено к середине XIX века. Идеи регулярности стали неотъемлемой частью российского архитектурного идеала, необходимость в жестком государственном контроле над частным строительством отпала, и этот контроль в 1858 году был отменен. Российское градостроительство, развиваясь в целом под влиянием европейских идей, своим масштабом и целенаправленностью способствовало четкому оформлению этих идей, их кристаллизации. Оно вовлекло в архитектурный процесс огромные территории и человеческие ресурсы.

Казань также имеет свое неповторимое место в этом процессе. Труды скромных казанских архитекторов прошлого века внесли свой вклад в российскую, а через нее – и в мировую культуру.

Здания, построенные в середине XIX в., сохранились повсюду в историческом центре Казани. Кроме того, они оказали самое непосредственное влияние на всю дальнейшую застройку города, относящуюся к периоду зрелой эклектики и модерна конца XIX – начала XX в. Часто вновь строящееся здание перенимало оформление фасада рядом расположенного существующего, построенного когда-то по образцу, чаще всего, местному, разработанному в Казани казанским архитектором и по заказу жителей Казани. Деревянные дома повторялись в камне. Очевидные «цитаты» из образцов «читались» даже на фасадах многоквартирных доходных домов. Можно сказать, что архитектурные детали образцовых проектов сами стали региональными особенностями архитектуры Казани. Таков механизм преемственности, позволивший сохранить до недавнего времени стиливое единство казанских улиц.

Следует подчеркнуть, что именно эти образцовые проекты периода ранней эклектики сформировали массовую жилую застройку исторического центра Казани, и именно они, а не отдельные уникальные сооружения, определяют ее своеобразие и исключительность. Эта средовая архитектура является основным объектом происходящих сегодня массовых разрушений в городе.

Примечания

¹ Ожегов С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII – XIX веках. – М., 1984. – С. 100

² Бенуа А. Мои воспоминания. – Т. 1. – С. 54.

³ Путевые записки, веденные Владимиром Давыдовым. Часть 1. – С. 114, 115.

⁴ Борисова Е.А. Архитектура и город // Искусство и предметная среда в духовной жизни России. – М., 1988. – С. 283.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ *Кириченко Е.И.* К вопросу о пореформенных выставках России как выражения исторического своеобразия архитектуры 2-ой половины XIX в. // *Художественные процессы в русской культуре 2-ой половины XIX в.* – М., 1984. – С. 126.

⁷ РГИА. Ф. 1488, оп. 5, д. 35, лл. 1, 2.

⁸ ПСЗ РИ. 15026. 1841 г. 15 ноября. Высочайше утвержденное Положение об устройстве губернского города Казани.

⁹ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.121, л.2.

¹⁰ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.739, л.1.

¹¹ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.71, л.2.

¹² НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.1194, л.1.

¹³ НА РТ. Ф. 498, оп.2, д.471, л.2.

¹⁴ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.1207, л.1, д.15, л.1.

¹⁵ НА РТ. Ф. 408, оп. 2, д. 1049, л.2.

¹⁶ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д. 728, л.1, д. 553, л.1.

¹⁷ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д. 471, л.2, д.464, л.2, д. 493, л.1.

¹⁸ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.209, л.5, д.1194, л.1.

¹⁹ Обзор дальнейшего развития жилищной архитектуры казанских татар в начале XX в. см.: Г.Г. Нугманова. Казань: архитектура двух цивилизаций // «Переломы эпох». – М., 2005. – С. 90 –107.

²⁰ *Айдарова Г.Н.* Истоки и этапы развития национального романтизма в архитектуре Казани в конце XIX — начале XX веков // *Архитектура Среднего Поволжья.*—Казань, 1982.—с 25.

Summary

The paper is devoted to the dwelling architecture of Kazan in the XIX – early XX centuries. The author investigates the manifestations of the local peculiarities in the context of the world stylistic trends in the architecture which consequently have changed each other (classicism, eclectics and modern style).